

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев

В Москве вышли на днях «Записки ружейного охотника» С. Т. А – ва – того самого автора, заметим кстати, которому мы уже обязаны прекрасной книгой об ужении. [1] Мы поздравляем русскую литературу и читателей наших с появлением этих «Записок». Подобные книги появляются у нас слишком редко. Кому еще не знакомо новое сочинение С. Т. А – ва, тот не может себе представить, до какой степени оно занимательно, какой обаятельной свежестью веет от его страниц. Да не подумают читатели, что «Записки ружейного охотника» имеют цену для одних охотников: всякий, кто только любит природу во всем ее разнообразии, во всей ее красоте и силе, всякий, кому дорого проявление жизни всеобщей, среди которой сам человек стоит, как звено живое, высшее, но тесно связанное с другими звеньями, – не оторвется от сочинения г. А – ва; оно станет его настольной книгой, он будет ее с наслаждением читать и перечитывать; естествоиспытатель придет от нее в восторг... Мы предоставим себе удовольствие в одном из следующих номеров «Современника» подробно поговорить об этом сочинении, [2] написанном с такой любовью и с таким знанием дела; и мы будем говорить о ней, находясь сами «на месте», в деревне, среди той природы, которой она служит таким верным и поэтическим отражением, предаваясь сами «ружейной охоте»; теперь мы ограничимся только просьбой к читателям не смешивать этой капитальной книги, которая в одно и то же время обогащает и ту специальную литературу, которой она принадлежит, и общую нашу словесность, – не смешивать ее с ничтожными и вздорными сочинениями об охоте, появившимися в последнее время. [3]

А чтобы доказать читателям, что в наших похвалах книге г. А – ва нет ничего преувеличенного, предлагаем из нее несколько выписок:

Вот описание лесной реки, от которой не отказался бы любой мастер. (Должно сказать, что г. А – в делит всю дичь на четыре главные отдела: на болотную, водяную, лесную и степную, и в начале каждого отдела начертывает общую картину места жительства этой дичи.)

«Иногда река на большое пространство протекает дремучими ненаселенными лесами и получает особенный, уединенный, дикий и вместе важный и торжественный образ. Берега ее не измяты ничьим прикосновением: изредка забредет на них охотник, но не оставит следов своих надолго: сильная растительность, происходящая от избытка влаги, сейчас поднимет смятые травы и цветы. Свободно и могуче обрастают берега ее широколистной и узкой осокой, аиром, палочником и крупными незабудками; а по всем затишьям необыкновенной величины темно-зеленые круглые лопухи плавают уединенно на длинных стеблях своих, однообразно двигаясь течением реки. Водяная птица как будто боится уединения, и утки перестают жить и водиться на реках, когда они слишком далеко углубляются в лесную глушь. Рыба и земноводный зверь остаются их хозяевами. В пустынном безмолвии и мраке катятся вольные многоводные струи, и только ветви наклонившихся или упавших в воду столетних деревьев, противясь течению, производят неумолкаемый, но тихий и глухой ропот. Плеснется большая щука, переплывет реку порешина (поречина), нырнет выхухоль – и только; но и этот слабый шум скоро поглощается общим безмолвием. Смотрится только в воду разнообразное чернолесье: липа, осина, береза и дуб, кладя то справа, то слева, согласно стоянию солнца, косые тени свои на поверхность реки». [4]

Вот описание родника и «мельницы-колотовки»:

«Иногда на таких горных родниках, падающих с значительной высоты, ставят оренбургские поселяне нехитрые мельницы-колотовки, как их называют, живописно прилепляя их к крутому утесу, как ласточка прилепляет гнездо к каменной стене. Весь небольшой поток захватывается желобом или колодою, т. е. выдолбленную половинкою толстого дерева, которую плотно упирают в бок горы; из колоды струя падает прямо на водяное колесо, и дело в шляпе: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукивает да мелет себе помаленьку, и день и ночь. Нет мелева, – отодвигается колода в сторону, и поток снова летит вниз по крутизне горы, мгновенно собирая в один густой звук раздробленный шум своего паденья. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинном неуклюжем срубе или кривых неровных стойках. Всё дрянно, плохо, косо, чуть липит. Нет, признака искусной, правильной руки человека, ничто не разгоречит с природой, а напротив – дополняет ее... Иногда такой ключ бьет из середины горы, а

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru всего чаще из ее подошвы. Но есть родники совсем другого рода, которые выбиваются из земли в самых низких, болотистых местах и образуют около себя ямки или бассейны с водой, большей или меньшей величины, смотря по местоположению: из них текут ручьи. Если бассейн глубок, то кипение видно только на дне: вода выкидывается из его отверстий, вынося с собой песок и мелкие земляные частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, они опускаются и устилают дно родника ровно и гладко. Но если бассейн мелок относительно силы ключа, то вся вода, с песком, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна и доверху, кипит и клокочет, как котел на огне. И горные ключи и низменные болотные родники бегут ручейками: иные текут скрытно, потаенно, углубясь в землю, спрятавшись в траве и кустах; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чашу кустарника или навес густой травы – пахнет в разгоревшееся лицо свежую сыростью и наконец увидишь бегущую во мраке и прохладе струю чистой и холодной воды. Какая находка в жаркий летний день для усталого охотника! Иногда ручей бежит по открытому месту, по песку и мелкой гальке, извиваясь по ровному лугу или долочку. Он уже не так чист и прозрачен – ветер наносит пыль и всякий сор на его поверхность; не так и холоден – солнечные лучи прогревают сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей поникает, то есть уходит в землю и, пробежав полверсты или версту, иногда гораздо более, появляется снова на поверхность, и струя его, процеженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистой и холоднойю». [5]

Вот отрывок «из внутренней» жизни леса:

«На ветвях деревьев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева, пищат рябчики, хрипят на тягах вальдшнепы, воркуют, каждая по-своему, все породы диких голубей, взвизгивают и чокают дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонут рябые кукушки, постукивают, долбя деревья, разноперые дятлы, трубят желны, трещат сойки; свиристели, лесные жаворонки, дубоноски и всё многочисленное крылатое мелкое певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину лесов; на сучьях и в дуплах деревьев птицы вьют свои гнезда, кладут яйца и выводят детей; для той же цели поселяются в дуплах куницы и белки, враждебные птицам, и шумные рои диких пчел. Трав и цветов мало в большом лесу: густая, постоянная тень неблагоприятна растительности, которой необходимы свет и теплота солнечных лучей; чаще других виднеются зубчатый папоротник, плотные и зеленые листья ландыша, высокие стебли отцветшего лесного левкоя, да краснеет кучками зрелая костяника; сырой запах грибов носится в воздухе, но всех слышнее острый и, по-моему, очень приятный запах груздей, потому что они рождаются семьями, гнездами и любят моститься (как говорят в народе) в мелком папоротнике, под согнивающими прошлогодними листьями». [6]

Вот степь весной и осенью.

«Сначала опаленные степи и поля представляют печальный, траурный вид бесконечного пожарища; но скоро иглы яркой зелени, как щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорее развернутся они разнообразными листочками и лепестками, и через неделю всё покроется свежей зеленью; еще неделя, и с первого взгляда не узнаешь горелых мест. Степной кустарник, реже и менее подвергающийся огню, потому что почва около него бывает сырее: вишеник, бобовник (дикий персик) и чилизник (полевая акация) начинают цвести и распространять острый и приятный запах; особенно роскошно и благовоно цветет бобовник: густо обрастая иногда огромное пространство по отлогим горным скатам, он заливают их сплошным розовым цветом, промеж которого виднеются иногда желтые полосы или круговины цветущего чилизника. По другим местам, более отлогим, обширные пространства покрыты белыми, но не яркими, а как будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня в цвету. Вся степная птица, отпуганная пожаром, опять занимает свои места и поселяется в этом море зелени, весенних цветов, цветущих кустарников; со всех сторон слышны: не передаваемое словами чирканье стрепетов, заливные, звонкие трели кроншнепов, повсеместный горячий бой перепелок, трещанье кречеток. На восходе солнца, когда ночной туман садится благодатною росой на землю, когда все запахи цветов и растений дышат сильнее, благовонее, – невыразимо очаровательно прелесть весеннего утра в степи... Всё полно жизни, свежо, ярко, молодо и весело! Таковы степные места в Оренбургской губернии в продолжение мая...» [7]

«Осенью ковылистые степи совершенно изменяются и получают свой особенный,

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru самобытный, ни с чем не схожий, чудный вид: выросшие во всю свою длину и вполне распутившиеся перлово-сизые волокна ковыля при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, всё волнуемое и всё текущее в одну сторону. Для непривычных глаз такое зрелище сначала ново и поразительно; никакое течение воды на него не похоже, но скоро своим однообразием оно утомляет зрение, производит даже головокружение и наводит какое-то уныние на душу. Степные же места не ковылистые в позднюю осень имеют вид еще более однообразный, безжизненный и грустный, кроме выкошенных луговин, на которых, около круглых стогов потемневшего от дождя сена, вырастает молодая зеленая отава; станицы тудакон и стрепетов любят бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси огромными вереницами, перемещаясь с одной воды на другую, опускаются на такие места, чтобы полакомиться свежую травкою». [8]

Но автор умеет говорить не об одной природе: послушайте, как дикие гуси летают на кормеж, как токуют тетерева:

«Наконец подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрепли старые, выводки соединились с выводками, составились станицы, и начались ночные, или, правильнее сказать, утренние и вечерние экспедиции для опустошения хлебных полей, на которых поспели не только ржаные, но и яровые хлеба. За час до заката солнца стаи молодых гусей поднимаются с воды и под предводительством старых летят в поля. Сначала облетят большое пространство, высматривая, где им будет удобнее расположиться, подалее от проезжих дорог или работающих в поле людей, какой хлеб будет посытнее, и наконец опускаются на какую-нибудь десятину или загон. Гуси предпочтительно любят хлеб безосый, как-то: гречу, овес и горох, но если не из чего выбирать, то едят и всякий. Почти до темной ночи изволят они продолжать свой долгий ужин; но вот раздастся громкое призывное гоготание стариков; молодые, которые, жадно глотая сытный корм, разбрелись во все стороны по хлебам, торопливо собираются в кучу, переваливаясь передами от тяжести набитых не в меру зобов, перекликаются между собой, и вся стая с зычным криком тяжело поднимается, летит тихо и низко, всегда по одному направлению, к тому озеру или берегу реки, или верховью уединенного пруда, на котором она обыкновенно ночует. Прилетев на место, гуси шумно опускаются на воду, распахнув ее грудью на обе стороны, жадно напиваются и сейчас садятся на ночлег, для чего выбирается берег плоский, ровный, не заросший ни кустами, ни камышом, чтоб ниоткуда не могла подкрасться к ним опасность. От нескольких ночевок большой стаи примнется, вытолотется трава на берегу, а от горячего их помета покраснеет и высохнет. Гуси завертывают голову под крыло, ложатся, или лучше сказать, опускаются на брюхо и засыпают. Но старики составляют ночную стражу и не спят поочередно или так чутко дремлют, что ничто не ускользает от их внимательного слуха. При всяком шорохе сторожевой гусь тревожно загогочет, и все откликаются, встают, выправляются, вытягивают шеи и готовы лететь; но шум замолк, сторожевой гусь гогочет совсем другим голосом, тихо, успокоительно, и вся стая, отвечая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпает. Так бывает не один раз в ночь, особенно уже в довольно длинные сентябрьские ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человек или зверь приблизится к стае, быстро поднимаются старики, и стремглав бросаются за ними молодые, оглашая зыбучий берег и спящие в тумане воды и всю окрестность таким пронзительным, зычным криком, что можно услышать его за версту и более... И вся эта тревога бывает иногда от хорька и даже горноста, которые имеют наглость нападать на спящих гусей. Когда же ночь проходит благополучно, то сторожевой гусь, едва забелеет заря на востоке, разбудит звонким криком всю стаю, и она снова, вслед за стариками, полетит уже в знакомое поле и точно тем же порядком примется за ранний завтрак, какой наблюдала недавно за поздним ужином. Снова набиваются едва просиженные зобы, и снова по призывному крику стариков, при ярких лучах давно взошедшего солнца, собирается стая и летит уже на другое озеро, плесо реки или залив пруда, на котором проводит день...» [9]

«В исходе марта начнет сильно пригревать солнышко, разогреется остывшая кровь в косачах, проснется безотчетное стремление к совокуплению с самками, и самцы начинают токовать, то есть, сидя на деревьях, испускать какие-то глухие звуки, изредка похожие на гусяное шипение, а чаще на голубиное воркованье или бормотанье, слышное весьма далеко на тишине утренней зари, на восходе солнца. Вероятно, многим удавалось слышать, не говоря об охотниках, «вдали тетеревов глухое токованье», [10] и, верно, всякий испытывал какое-то неопределенное,

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru приятное чувство. В самих звуках ничего нет привлекательного для уха, но в них бессознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонию жизни в целой природе... Итак, косач пускается токовать: сначала токует не подолгу, тихо, вяло, как будто бормочет про себя, и то после сытного завтрака, набивши полный зоб надувающимися тогда древесными почками. Потом, с прибавлением теплоты воздуха, с каждым днем токует громче, дольше, горячее и, наконец, доходит до исступления: шея его распухает; перья на ней поднимаются, как грива, брови, спрятанные во впадинках, прикрытые в обыкновенное время тонкой сморщенной кожицей, надуваются, выступают наружу, изумительно расширяются, и красный цвет их получает блестящую яркость. Косачи рано утром, до солнечного восхода, похватав уже кое-как несколько корма (видно, и птице не до пищи, когда любовь на уме), слетаются на избранное заранее место, всегда удобное для будущих подвигов. Это бывает или чистая поляна в лесу, или луг между дерев, растущих на опушке и иногда стоящих на открытом поле, преимущественно на пригорке. Такое место, неизменно посещаемое, всегда одно и то же, называется током или токовищем. Надобно постоянное усилие человека, чтоб заставить тетеревов бросить его и выбрать другое. Даже сряду несколько лет токи бывают на одних и тех же местах. Косачи, сидя на верхних сучьях дерев, непрерывно опуская головы вниз, будто низко кланяясь, приседая и выпрямляясь, вытягивая с напряжением раздувшуюся шею, шипят со свистом, бормочат, токуют, и, при сильных движениях, крылья их несколько распускаются для сохранения равновесия. Они час от часу приходят в большую ярость: движения ускоряются, звуки сливаются в какое-то клокотанье, косачи беснуются, и белая пена брызжет из их постоянно разинутых ртов... Вот откуда родилась старинная басня, которой, впрочем, уже давно никто не верит, будто тетеревиные самки, бегая по земле, подхватывают и глотают слюну, падающую из ртов токующих на деревьях самцов, и тем оплодотворяются. Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, несколько времени токующих уединенно: курочки уже давно прислушивались к ним и, наконец, начинают прилетать на тока; сначала садятся на деревья, в некотором отдалении, потом подвигаются поближе, но никогда не садятся рядом, а против косачей». [11]

Вот пример мастерства и отчетливости в описании наружного вида птицы миловидной куропатки:

«Серая куропатка, по моему мнению, если не лучшая, то одна из лучших птиц во всех породах степной и лесной дичи, кроме вальдшнепа. Как красивы ее пестрые, темные, красно-желтые, коричневые и светло-серые перья! Как она стройно, кругло и крепко сложена! Как она жива, проворна, ловка и миловидна во всех своих движениях!

Величиною эта бойкая птичка будет на взгляд несколько больше русского голубя, но гораздо его мясистее: она будет с цыпленка в полкурицы. Она имеет под горлышком и около носика перья красноватые или светло-коричневые, такого же цвета нижние хвостовые перья и, в виде подковы, пятна на груди или на верхней половине хлупи, которые несколько больше, ярче и темнее; красноватые поперечные полосы лежат по серым перьям боков. Зоб и часть головы серо-дымчатые; на верхней, первой половине красновато-пестрых крыльев виднеются белые дольные полосы, узенькие, как ниточки, которые есть не что иное, как белые стволилки перьев; вторая же, крайняя половина перьев испещрена беловатыми поперечными крапинками по темно-сизоватому полю; ножки рогового цвета, мохнатые только сверху, до первого сустава, как у птицы, назначенной для многого беганья по грязи и снегу...» [12]

Но мы бы никогда не кончили, если б захотели выписывать всё прекрасное в книге г. А – ва. Повторяем, мы об ней еще поговорим в скором времени – и поговорим подробно. Теперь же нам остается пожелать ей, к чести читателей вообще и охотников в особенности, самый блестящий успех, самое обширное распространение. Эту книгу нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, подобного тем ощущениям, которые возбуждает в вас сама природа; а выше этой похвалы мы никакой не знаем.

Примечания
Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Совр, 1852, № 4, отд. VI, с. 325–331, без подписи (ценз. разр. 6 апреля 1852 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: Т, Сочинения, т. XII, с. 143–150.

Автограф неизвестен.

Авторство устанавливается на основании письма Тургенева к И. С. Аксакову от 9(21) апреля 1852 г., в котором он сообщал: «Сегодня появился № „Современника“ с небольшой моей статейкой о книге С<ергея> Т<имофеевича> <...> и с большими выписками из нее. В „Критику“ это не успело уже попасть и помещено в „Литературных новостях“».

Датируется концом марта 1852 г. на основании письма Тургенева к И. С. Аксакову от 20 марта (1 апреля), в котором содержалась просьба о скорейшей отправке к нему «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова с тем, чтобы «рецензия могла поспеть в апрельскую книжку» «Современника», а также с учетом даты цензурного разрешения этой книжки журнала.

Тургенев одним из первых оценил по достоинству «Записки ружейного охотника». Из писем С. Т. Аксакова к сыну Ивану от начала января 1851 г. известно, что Тургенев неоднократно присутствовал на чтении отрывков из этой книги. Так, 2(14) января 1851 г. С. Т. Аксаков писал: «Когда появились „Записки охотника“ Тургенева, я подумал, как бы мне приятно было прочесть ему мои Записки! Мое несбыточное желание исполнилось: ему прочли несколько отрывков, и они были вполне оценены им. Ему захотелось еще послушать, и завтра вечером Константин прочтет ему еще несколько отрывков. Первым слушаньем я был очень доволен» (Рус Мысль, 1915, № 8, с. 126). 31 декабря 1851 г. (12 января 1852 г.) Тургенев писал И. С. Аксакову: «Сергею Тимофеевичу скажите, чтобы он непременно печатал свою книгу – а уж рецензию на нее напишу я – этого удовольствия я никому другому не уступлю – для такого праздника я свой литературный пост нарушу с радостью!» А 2(14) февраля 1852 г., т. е. более чем за месяц до выхода в свет «Записок ружейного охотника», Тургенев в письме к автору замечал: «...Ваши „Записки“ будут дороги не для одних охотников; всякому человеку, не лишенному поэтического чутья – они доставят истинное наслаждение; и потому я готов отвечать за успех их – и литературный, и материальный. А для меня – повторяю – написать им разбор – будет просто праздник».

Предвидения Тургенева оказались справедливыми: «Записки ружейного охотника» действительно имели большой успех, о чем свидетельствуют отзывы критики. Это «книга <...> интересная для всех», – отмечалось в Отчет Зап (1852, № 5, Библиографическая хроника, с. 26). Ее «охотник прочтет от первой страницы до последней с пользой и наслаждением, не охотник прочтет с увлечением, как роман», – писал другой рецензент (Труды имп. Вольного экономического общества, 1852, т. 2, № 5, Библиография, с. 52). В «Московских ведомостях» ему вторил В. Журавлев, утверждая, что «по этой части лучше и занимательнее ничего не читывал...» (1852, № 99, 16 августа, с. 1028).

Заметка Тургенева о «Записках ружейного охотника», в которой приведен ряд выдержек из книги С. Т. Аксакова, явилась как бы наброском будущей большой статьи (наст. том, с. 500). Это подтверждается тем, что приведенные в данной заметке отрывки из «Записок ружейного охотника» «служат иллюстрацией к положениям второй статьи» Тургенева о той же книге (Войтоловская Э. Л. И. С. Тургенев о С. Т. Аксакове. – Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, каф. рус. лит.-ры. Л., 1958, т. 170, с. 122).

Условные сокращения

Григорьев – Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Стрехова, 1876. Т. I.

Добролюбов – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Иванов – Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин – Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) спб., 1913.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической
деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения
русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос.
библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Т, Соч, 1860–1861 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.:
Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр.
Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр.
Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых,
1874. Ч. 2, 3.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

1858, Scènes, I – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles
russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris,
1858.

1858, Scènes, II – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième
série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris,
1858.

Комментарии

1

...мы уже обязаны ~ об уженье. – «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова, вышедшие
в Москве в начале 1847 г. Книга вызвала ряд положительных отзывов в печати (см.:
Совр, 1847, № 6, отд. III, с. 113–114; Финский вестник, 1847, № 6, отд. V, с.
1–4). Уже в 1854 г. вышло второе ее издание.

2

Мы предоставим себе удовольствие ~ об этом сочинении... – Тургенев писал И. С.
Аксакову 9 (21) апреля 1852 г., восхищаясь книгой его отца, что «в июньской
книге „Современника“ будет о ней пространная статья...». Однако свое обещание
Тургенев выполнил значительно позже, напечатав статью лишь в № 1 «Современника»
за 1853 год (отд. III, с. 33–44, см.: наст, том, с. 509).

3

...не смешивать ее ~ появившимися в последнее время. – Это мнение Тургенева
поддержал В. Журавлев, который писал, что до выхода в свет книги С. Т. Аксакова
«...в нашей литературе появлялись только какие-то жалкие, несвязные и безграмотные
компиляции под названием егерских книг» (Моск Вед, 1852, № 99, 16 августа, с.
1028). Вероятно, и Тургенев, и Журавлев противопоставляли «Запискам ружейного
охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова издания, подобные, например,
книге Патфайндера «Егерские записки, или Начертание, как находить дичь, в каких
местах, в какое время года и различные способы стрелять птиц и зверей...» (2
части, М., 1851), вызвавшей ряд отрицательных рецензий в журналах.

4

О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
«Иногда река на большое пространство ~ косые тени свои на поверхность реки». – Тургенев приводит отрывок из книги С. Т. Аксакова (разряд II, глава «Воды», с. 152–153).

5

«Иногда на таких горных родниках ~ чистою и холодною». – Отрывок из той же главы, с. 147–149. Цитируя, Тургенев выпустил две фразы на с. 148 (после слов: «дополняет ее»): «Но какие же паровые машины втягивают водяные жилы на горные высоты, тогда как вода, по свойству своему, занимает самое низкое место на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняет этого явления и современная наука».

6

«На ветвях деревьев ~ прошлогодними листьями». – См.: разряд IV, глава «Лес», с. 334–335.

7

«Сначала опаленные степи и поля ~ в Оренбургской губернии в продолжение мая...» – См.: разряд III, глава «Степь», с. 235–236.

8

«Осенью ковылистые степи ~ полакомиться свежую травкою». – См.: разряд III, глава «Степь», с. 237–238.

9

«Наконец подросли, выровнялись, поднялись гусята ~ пруда, на котором проводит день...» – См.: разряд II, глава «Гусь», с. 168–170.

10

...«вдали тетеревов глухое токованье...» – Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (у Державина – «тетеревей»).

11

«В исходе марта начнет сильно пригревать солнышко ~ против косачей». – См.: разряд IV, глава «Тетерев», с. 353–355.

12 «Серая куропатка, по моему мнению ~ беганья по грязи и снегу...» – См.: разряд III, глава «Куропатка полевая, или серая», с. 283–284. При цитировании этого отрывка Тургенев выпустил две фразы на с. 283 (после слов: «во всех своих движениях!»): «Как жирна и вкусна бывает осенью и зимою! Даже летом исхудалая матка от яиц или детей не совсем теряет сочность, мягкость и приятность вкуса».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!